

М.В. БИБИКОВ*

**КАТЕГОРИЯ «КРАЖИ»
В ВИЗАНТИЙСКОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
И В СЛАВЯНСКИХ
ЗАИМСТВОВАНИЯХ**

Основополагающими пунктами византийского законодательства о краже, как и в большинстве прочих случаев, стали положения Корпуса гражданского права Юстиниана. К нему апеллировали преамбулы таких византийских сводов, как иконоборческая Эклога законов в начале VIII в. («Избранные законы, составленные в сокращении... из Институций, Дигест, Кодекса и Новелл — конституций великого Юстиниана...»¹), или памятников македонского законодательства (Прохирон, Исагога, Василики) конца IX — начала X в., инициированного основателем новой династии Василием I и его сыновьями Львом (Мудрым) и Константином (Багрянородным). Константин, по свидетельству «Жизнеописания Константина» и Продолжателя Феофана, «приказал переработать содержание Институций, Дигест, Кодекса и Новелл Юстиниана, пользуясь старыми индексами... При этом было предписано все устаревшее опустить, добавить кое-что новое и в особенности сделать разъяснения специальной латинской терминологии путем перевода специальных терминов на греческий язык»².

Наряду с исходными положениями, преисполненными пиетета к нормам Юстинианова права, являвшегося *в принципе* действующим в тече-

* Бибиков Михаил Владимович — доктор исторических наук, заведующий Центром истории Византии и восточнохристианской культуры Института всеобщей истории РАН. В основе статьи лежит доклад, прочитанный на X международном научном семинаре «Римское право и современность» на тему «Furtum в его юридическом, философском и экономическом аспектах», проходившем в Стамбуле 29 октября — 1 ноября 2014 г. Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках гранта «Исследование по истории развития системы римского и европейского государственного права» (проект № 13-01-00093).

¹ *Burgmann L.* Ecloga. Frankfurt am Main, 1983. S. 160.

² Theophanes Continuatus, Joannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus. Bonnae, 1838. P. 161 sq.

ние всего византийского тысячелетия, то здесь, то там в текстах, особенно классического и позднего византийского законодательства, декларируются тезисы инновационного характера, предопределяющие изменения тех или иных норм Юстинианова законодательства в греческом Средневековье. Так, уже в Эклоге предполагается опора на статьи *Codex Juris Civilis*, но «с внесенными в них *исправлениями* в духе большего человеколюбия» (160.6), а македонским юристам при составлении Прохирона Константином «было предписано все устаревшее опустить [и] добавить кое-что новое». Другой же сын и соправитель Василия I Македонянина, стипулятор Новелл (ок. 893 г.) Лев VI Мудрый, прямо в Преамбуле своих Новелл формулирует принцип необходимости изменений в законодательстве: «Многие, почитающие как нечто священное старые времена, желают следовать им в жизни и в установлениях. Я же знаю, что хотя старые времена превосходят во многом нынешнее время, но все же кое в чем старые времена уступают новым».

Эти изменения диктовались в большинстве случаев: а) языковыми особенностями перевода, особенно специальных категорий, с латыни Юстиниана на средневековый греческий византийских памятников права; б) географическими изменениями, когда позднеримское законодательство относилось к тем провинциям Империи, которые в Византии были давно утраченными или недавно завоеванными (Галлия, Италия, Северное Подунавье, окраины Африки и Востока); в) изменениями институционального характера, вызванными радикальными переменами в таких сферах, как полисно-муниципальное право, рабство, церковная сфера (усиление роли церкви), семейное право и т.д.

Все это имело отношение и к византийским нормам, касающимся кражи, попыток воровства и связанных с этим деликтов.

Исходным является положение I титула IV книги Институций Юстиниана, что «кража есть обманное похищение вещи, ее пользования или же владения. Такое деяние запрещается естественным законом» (*Inst. IV.I.1: «Furtum est contrectatio rei fraudulosa vel ipsius rei vel etiam usus eius possessionisque, quod lege naturali prohibutum est admittere»*)³. Дигесты развивают положение о квалификации кражи: «Кража есть мошенническое похищение ради наживы, [а именно] как самой вещи, так и пользования или владения ею. Это запрещено совершать в силу естественного права» (*D. XLVII.II.1.3: «Furtum est contrectatio rei fraudulosa lucri faciendi gratia vel ipsius rei vel etiam usus eius possessionisque. Quod lege naturali prohibutum est admittere»*)⁴.

³ Институции Юстиниана / Отв. ред. Л.Л. Кофанов, В.А. Томсинов; пер. Д. Расснера. М., 1998. С. 294–295.

⁴ Дигесты Юстиниана / Отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2005. Т. 7. Полутом 1. С. 378–379.

Как апелляция к естественному праву в связи с кражей, так и принципы II титула «О кражах» («De furtis») XLVII книги Дигест Юстиниана легли в основу соответствующих положений самого объемного византийского правового свода — *Василик* (Bas. 60.12)⁵, созданного в 90-х гг. IX в. при императоре Льве VI Мудром. Таким же образом рецепцией V титула «О краже против хозяев кораблей, гостиниц и постоялых дворов» («V. Furti adversus nautas saurones stabularios») является другой пункт *Василик* (Bas. 60.14), как и VI титул («Если указывается, что кражу совершили рабы» — «VI. Si familia furtum fecisse dicetur»). К законодательству о воровстве примыкают VII и VIII титулы той же книги Дигест («О воровским образом срубленных деревьях» — «VII. Arborum furtim caesarum»; «Об имуществе, захваченном силой, и о смуте» — «VIII. Vi bonorum raptorum et de turba»), нашедшие отражение в последующих статьях *Василик* (Bas. 60.16–17). Первый из указанных казусов отложился, помимо *Василик*, в другом памятнике византийского законодательства конца VII — начала VIII в. — Земледельческом законе, в 20-й главе которого предусматривается, что вырубка чужого леса без ведома хозяина, обработка и посев на этом участке караются лишением права на урожай⁶. Близость этого пункта к законодательству о воровстве подтверждается характерным изменением текста с чтением «вырубка» (κόπτω) на «кража» (κλέπτω) в памятнике, стоящем у истоков македонского законодательства, — *Эклоге*, измененной по Прохирону (E. Pr. m. 25.16)⁷. В поздневизантийском законодательстве середины XIV в. рецепцию этого пункта находим в «Шестикнижии» Константина Арменопула (I.7)⁸.

В непосредственной связи с «вырубкой» («кражей»?) деревьев стоит другая глава Земледельческого закона, трактующая деликт о воровстве сельскохозяйственных орудий: «Если земледелец украдет во время вскапывания лопату или мотыгу... то отдаст за это в сутки по 12 фоллов; подобным же образом должен поступить и укравший в горячую пору садовый нож, или в пору жатвы серп, или в пору рубки леса топор» (Nom. georg. 22)⁹. Характерно подчеркивание условий совершения преступления — в самую жаркую пору работ (дифференцированно, каких именно), что может явиться отягчающим фактором. Эту норму заимствуют *Эклога*, исправленная по Прохирону (18.15), и Константин Арменопул (II.1).

⁵ *Basilicorum libri LX* / Ed. by H.J. Scheltema, N. van der Wal. Groningen, 1955, etc.

⁶ Земледельческий закон / Под ред. И.П. Медведева. Л., 1984. С. 104.

⁷ *Ecloga ad Prochiron mutata // Zachariae a Lingenthal C.E. Jus Graeco-Romanum. T. IV. Berolini, 1865. P. 49–170.*

⁸ *Pitsakes K.G. Κωνσταντίνου Ἀρμενοπούλου Ἑξάβιβλος (Βυζαντινά καί νεοελληνικά κείμενα. 1). Athens, 1971.*

⁹ Земледельческий закон / Под ред. И.П. Медведева. С. 105.

К краже сельскохозяйственных орудий Земледельческий закон возвращается также в конце: «62. Крадущие плуг, или сошник, или ярмо пусть понесут ответственность за убытки по числу дней начиная от того дня, когда была совершена кража, за каждый день по 12 фоллов»¹⁰. Ужесточает наказание поджог: «63. Поджигающие или крадущие чужую телегу пусть заплатят в двойном размере»¹¹.

Кража в виноградниках, фиговых садах, а также в зернохранилищах и винных складах, да еще повторная, карается в Земледельческом законе более сурово — телесными наказаниями, членовредительством, ослеплением: «61. Входящие в чужие виноградники и смоковничные роши ради того, чтобы поесть, пусть будут безнаказанны; если же ради воровства, пусть будут наказаны битьем и лишены одежд...»¹²; «68. Захваченный в житнице крадущим зерно пусть будет высечен в первый раз сотней плетей и возместит убытки обкраденному; если во второй раз окажется то же самое делающим, пусть будет наказан битьем и возместит в двойном размере украденное; если же и в третий, пусть будет ослеплен. 69. Крадущий ночью вино из бочки или чана пусть будет подвергнут тому же самому наказанию»¹³. Как объединенная статья эти наказания фигурируют в Эклоге, исправленной по Прохирону (Е. Рг. m. 18.25). Аналогичные положения находим в XIV в. у Константина Арменопула (II.9—13).

Показательно, что подчеркивается идентичность наказания за кражу вина как днем, так и ночью. В Дигестах Юстиниана различается специфика аналогичного преступления в зависимости от того, совершено оно днем или в ночное, темное время: не всякое подобное преступление квалифицировалось как кража. Существенно то, что в нем наличествует присвоение чужого обманным, тайным способом, а именно ночью: «Furtum a furvo, id est nigro dictum Labeo ait, quod clam et obscuro fiat et plerumque nocte» (D. 47.2.1: «Лабеем говорит, что [слово] «кража» произошло от [слова] «темный», то есть «черный», так как совершается она тайно и скрытно и по большей части ночью»¹⁴). Это определение находится уже в Институциях Юстиниана, где утверждается: «2. Название «кража» [Furtum] произошло или от слова *furvum*, что значит «черный», так как кража совершается тайно, в темноте, большей частью ночью, или от слов *fraus*, *ferendo*, что значит уносить, или от греческого слова *φῦρα*. И действительно, гре-

¹⁰ Земледельческий закон / Под ред. И.П. Медведева. С. 119.

¹¹ Там же. С. 120.

¹² Там же. С. 119.

¹³ Там же. С. 121.

¹⁴ Дигесты Юстиниана / Отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. 7. Полумом 1. С. 378—379.

ки производят слово $\phi\acute{\omega}\rho\alpha\varsigma$ от $\phi\acute{\epsilon}\rho\epsilon\iota\nu$ [«уносить»]» (IV.1.2)¹⁵. И в Институциях дается подробное разъяснение принципиального различия «явных» (с поимкой на месте преступления) и «неявных» краж — с различием тяжести преступления. Византийское же законодательство «выравнивает» пенальную сторону ответственности за деликт.

Если Земледельческий закон разрабатывает законоположения, в том числе и касающиеся краж, в деревне, то в Византии, причем примерно в тот же хронологический период, составляются и специальные Воинский закон (Nomos stratiotikos)¹⁶ и Морской закон (Nomos Nautikos)¹⁷, в которых также имеются специальные статьи о воровстве в армии и на флоте. Пенальная составляющая этих и других, более поздних, памятников выкристаллизовалась благодаря своду Эклоги, изданной около 741 г. от имени императора Льва III и его сына и соправителя Константина V. Самый объемный и подробный XVII титул Эклоги посвящен преступлениям и наказаниям. Положения Эклоги получили широкое распространение как в Византии, так и в сопредельных и связанных с ней землях — в Сербии, Болгарии, Румынии, Армении, Сирии, на Руси (в виде Закона судного людем, отчасти Кормчей книги, Мерила праведного)¹⁸, в греко-коптской христианской среде. Но поскольку Эклога представляла собой издание императоров-иконоборцев, идеологический пуризм заставил довольно рано в самой Византии составлять различные редакции Эклоги, изданной ортодоксальными режимами. Так, вскоре возникают Частная и Частная распространенная Эклога, Эклогадион, Эпитема, исправленная по Прохирону (XII в.), Эклога, исправленная по Прохирону (сер. — кон. IX в.) и др.¹⁹

Как отмечалось выше, принципиальные положения Эклоги, в том числе и XVII титула, основаны на нормах Корпуса Юстиниана²⁰, особенно на текстах Дигест²¹. Это касается и статей о краже и воровстве.

Так, специальные статьи рассматривают различные стороны воровства: «10. Ворующий в лагере или в походе, если это оружие, да будет высечен;

¹⁵ Институции Юстиниана / Отв. ред. Л.Л. Кофанов, В.А. Томсинов; пер. Д. Расснера. С. 294–295.

¹⁶ *Zepos J., Zepos P. Jus Graecoromanum*. Athen, 1931. Т. II. P. 73–89.

¹⁷ *Ibid.* P. 91–103.

¹⁸ См.: *Шанов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XII вв. М., 1978. С. 100–116.

¹⁹ *Pieler P. Rechtsliteratur / Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*. München, 1978. Bd. II. S. 458–461.

²⁰ Анализ этого и аналогичных текстов (Древнее право. *Ius antiquum*. 2006. № 2 (18)) был проведен Е.Э. Липшиц.

²¹ См.: *Бибиков М.В.* Традиции и трансформация некоторых норм Дигест Юстиниана в византийском законодательстве // Дигесты Юстиниана / Отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. 8. М., 2006. С. 56–61.

если украдет коня [букв. «бессловесное животное»], да будет у него отсечена рука. 11. Воруемый в другом месте государства в первый раз, если это сделал свободный человек и состоятельный, вместе с украденной вещью возвратит владельцу двойную стоимость. Если же он неимущий, да будет высечен и изгнан, во второй раз — да будет отсечена рука его. 12. Владелец раба, совершившего кражу, если захочет сохранить своего раба, пусть даст возмещение того, что было украдено. Если же не захочет получить своего раба, то пусть отдаст его в полную собственность тому, кто подвергся краже»²².

Е.Э. Липшиц предложила следующий комментарий к этим статьям. «(10). Самые наказания, применяемые в Эклоге к воруемым в армии, являются новыми. В Дигестах (Dig., 49, 16, 3, 14) виновный в краже оружия подлежал наказанию снижением в чине. Суровая кара за кражу коня в этой статье Эклоги легко объяснима. Конь составлял важнейшую часть снаряжения стратиота.

(11). Статья развивает предшествующую, противопоставляя кражу в армии, т.е. в необычных условиях, обычной краже.

Статья интересна как свидетельство существования во времена Эклоги социальных градаций — различий между положением имущих, состоятельных эвпоров и неимущих апоров. Эклога следует уже не классическому праву, а Юстинианову праву, согласно которому изгнание отнюдь не обязательно сопровождается, подобно римскому *deportatio*, конфискацией имущества. Если имелось в виду последнее, это специально оговаривалось в качестве дополнительного наказания.

(12). Эклога, подобно Юстинианову праву, отнюдь не отменяет института рабства. Вопросу о формах отпуска рабов на волю она посвящает специальный титул (8). Отдельные статьи, касающиеся положения рабов, рассеяны и по другим разделам Эклоги.

По своему духу законоположение Эклоги не выходит за рамки Юстинианова права (ср. *Inst. IV, 8, 3*). Согласно Эклоге, раб, совершивший кражу, переходит в полную собственность пострадавшего. Другими словами, господин освобождается от ответственности за кражу, совершенную его рабом, путем передачи виновного в руки потерпевшего — *noxae deditio*. Статья отражает полную неправопособность раба.

Статья Эклоги перешла без каких-либо изменений в Закон Судный (ЗСЛ, Тихомиров²³, ст. 27, с. 108). Повторяется она и в славянском переводе Эклоги²⁴.

(13). Статья трактует вопрос, часто рассматривавшийся и в Земледельческом законе, о краже или порче скота — *abigeatus*. Наказания, предусмо-

²² *Ecloga ad Prochiron mutata*. S. 228.801–230.821; Эклога. Византийская книга эпарха. Рязань, 2006. С. 82.

²³ Закон судный людем / Изд. М.Н. Тихомиров и Л.В. Милов. М., 1961.

²⁴ Ср.: *Максимович К.А.* Паннонские юридические памятники в древнерусской книжности: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2007.

тренные в Эклоге, отличаются от тех, которые предписывались в более раннем праве, своей большей мягкостью. Эти наказания мягче и тем те, которые предусмотрены Эклогой (XVII, 11) по отношению к другим случаям кражи. В ст. 13 укравший впервые подвергался наказанию сечением, во второй раз – изгнанием, в третий – отсечением руки.

В Законе Судном (ЗСЛ, Тихомиров, ст. 28, с. 108) статья Эклоги повторяется с изменением в наказании: вместо отсечения руки при краже в третий раз – «продается» после возврата украденного.

(14). Статья посвящена вопросу об ограблении могил, издавна привлекаяшему к себе внимание законодателей. Ср. Дигесты (Dig., 47, 12), Кодекс (Cod. Just., IX, 19). Поскольку такие преступления рассматривались византийским законодательством не как простая кража, а как святотатство, они карались отсечением руки виновного. В славянском переводе Эклоги статья переведена без изменения. В Законе Судном (ЗСЛ, Тихомиров, ст. 29, с. 108) наказание изменено: виновный «да продается».

(15). Статья жестоко преследует за святотатство при краже. Обыкновенная кража каралась несоизмеримо мягче (ср. ст. 11). В данной статье особенно строго – ослеплением – карается кража в алтарной части церкви, куда доступ был открыт одним только священнослужителям. Однако наказание ослеплением является здесь новшеством Эклоги. К тому же градация наказаний в Эклоге построена по совершенно иному, чем прежде, принципу – по принципу степени святости места. Прежде же строгость наказания определялась обстоятельствами дела, социальной принадлежностью вора, временем (днем или ночью) и т.д. (Dig., 48, 13, 7(6)).

Статья Эклоги включена в состав ее славянского перевода и в Закон Судный (ЗСЛ, Тихомиров, ст. 30, с. 108). Первый воспроизводит текст без сколько-нибудь существенных изменений. Во втором обращают на себя внимание два изменения: 1) в отношении предмета кражи – в Законе Судном речь идет не только о священной утвари, как в греческом оригинале, но и об одежде и всякой другой вещи; 2) в отношении наказания – вместо наказания ослеплением за кражу в алтаре Закон Судный предписывает продажу – «да продается»; за кражу вне алтаря – пострижение и высылку как «нечестивого». Первое уточнение показывает, что для законодателей было важно место, где совершается кража – алтарь, куда доступ был запрещен по религиозным соображениям. Это говорит против предположения Б. Зиноговица о том, строгость наказания не распространялась на случаи кражи из алтаря частного имущества или другого, не имеющего отношения к культуре (ср. Sinogowitz, Studien²⁵, S. 57).

(16). Эта статья типична для византийского общества VIII в., где продажа людей (рабов) оставалась распространенным явлением. Тема ста-

²⁵ Sinogowitz B. Studien zum Strafrecht der Ekloge. Athen, 1956.

тьи — противозаконное присвоение человека (*plagium*) — издавна трактовалась римским правом.

В Эклоге старые нормы были пересмотрены. Укравший свободного человека и продавший его карался отсечением руки. Аналогичную статью мы находим в Законе Судном (ЗСЛ, Тихомиров, ст. 31, с. 108). Однако санкция здесь совершенно другая. Укравший свободного и продавший его или поработивший сам ставится в подобное же положение. Если это сделал свободный, то он становится рабом.

(17). По своему содержанию данная статья примыкает к предшествующей, развивая ее далее. Если кража-продажа свободного жестоко каралась, то обольщение и кража раба, задевавшие имущественные интересы господина, рассматривались как имущественное гражданское, а не уголовное преступление. Пострадавшему господину закон, стоявший на страже его имущественных прав, предоставлял возможность возмещения потери. Должен был быть возвращен сам похищенный раб, а также еще другой или его стоимость. Данная статья Эклоги не вносит чего-либо существенно нового по отношению к закону Константина (*Cod. Just.*, VI, 1, 4 *praefatio*; 1; 3 [317]), согласно которому против того, кто захватил беглого раба, мог быть возбужден иск, приводивший к возврату и другого еще или 20 солидов (стоимость раба).

В Законе Судном (ЗСЛ, Тихомиров, ст. 32, с. 108) и в славянском переводе Эклоги статья Эклоги повторена без каких-либо изменений»²⁶.

Рассмотренные статьи (10–17) XVII титула Эклоги отложились в ряде памятников византийского законодательства последующего времени: в Распространенной Эклоге (*Ecloga aucta*)²⁷ — соответственно 17.39–41, 10, 34, 18–19, 37–38; в Частной распространенной Эклоге (*Ecloga privata aucta*)²⁸ — 17.49–51, 15, 43, 37–38, 47–48; в Эклоге, исправленной по Прохирону (*Ecloga ad Prochiron mutata*)²⁹ — 18.9–10, 17, 23–25, 27, 26; в самом Прохироне³⁰ — 39.53; 18.10; 39.55–58; 39.5, 24 и, наконец, в поздневизантийской (ок. 1335 г.) Синтагме Матфея Властаря³¹ (E. 17.10: *Blast. Synt. K 23*; E.17.12: *Blast. Synt. K 23*; E.17.14: *Blast. Synt. T.10*).

Таким образом, по сравнению с законодательством о краже эпохи Юстиниана византийское право все больше придает внимания имущественно-

²⁶ Липшиц Е.Э. Комментарии// Эклога / Изд. Е.Э. Липшиц. М., 1965. С. 175–181.

²⁷ *Simon D., Troianos Sp. Eklogadion und Ecloga privata aucta // Fontes minores. II. Frankfurt am Main, 1976. S. 58–74.*

²⁸ *Ecloga privata aucta // Jus Graeco-Romanum / Ed. Zacharia a Lingenthal C.E. Berolini, 1865. T. IV. P. 1–48.*

²⁹ *Ecloga ad Prochiron mutata // Ibidem. P. 49–170.*

³⁰ *von Lingenthal K.E.Z. 'O Πρόχειρος Νόμος. Heidelberg, 1837.*

³¹ PG.144. Col. 959–1400.

му цензу в определении наказания. Различаются состоятельные граждане, «эвпоры», и бедняки, «апоры», по отношению к первым из которых чаще применяются санкции в виде штрафов и т.п., а по отношению ко вторым, не имеющим средств, — такие виды наказания, как порка плетьюми, членоредительство (лишение руки), ослепление. Во-вторых, резко усиливает степень вины вора сочетание кражи с действиями, квалифицируемыми как святотатство (кража в храме, особенно в алтаре, действия против клира, разграбление христианских могил и т.п.). В-третьих, все более важным в связи с наказаниями за совершенные и раскрытые преступления становится казуальное право, судебные вердикты в соответствии с которым принимаются лично судьей. Это общая тенденция развития византийского законодательства, все более склонявшаяся к полю права прецедента³².

Характерна и форма, в которой воспроизводятся фактически законодательные своды уже с середины XI в. Под именем византийского судьи Евстафия Ромея (ок. 1040-х гг.) дошел свод судебных постановлений, озаглавленный «Пира» (Peira, т.е. «опыт»), принятых константинопольским юристом³³. В тексте прямо провозглашается принцип разбирательства дел в зависимости от усмотрения судьи: «Нужно иметь в виду, что различные законы говорят об одном и том же предмете по-разному и устанавливают, как следует судить. Но если какой-либо закон будет найден противоречащим другому, не нужно следовать ему одному. Нужно истолковывать и этот один закон по смыслу многих законов...» В соответствии с этим VIII титул «Пирь» рассматривает судебный случай о присвоении чужой собственности. Юридической основой решения является новелла императора Романа I Лакапина (920–944 гг.), по которой если бедный человек («пенит») отнял что-либо у бедного же или у богатого, то пусть станет собственником. «Динат» же (богач), если также купил землю, считается владельцем только, «если покупка произошла ранее великого голода» (в 927–928 гг. страшная зима вызвала неурожай с последующими голодом и эпидемиями). Показательна ситуативная заостренность данного казуса у Евстафия — с учетом не только имущественного ценза тяжущихся сторон, но и общей экономической ситуации в Империи.

Этот принцип получает интересное развитие и в послевизантийском законодательстве, применимом в Москве XVII в. В Посольском приказе, где разбирались дела, связанные с иноземцами, в 1662 г. в присутствии понятых, греческих толмачей Дмитрия Михайлова и Николая Костурского (в документах все имена «русифицировались»), разбиралось дело о краже икон некоего Алешки Трофимовского, поставленных им в церкви Спаса на Глинницах (церковь Преображения Господня у Ильинских

³² См.: *Хвостова К.В.* Право прецедентов в Византии // Вестник РГНФ. 2010. № 1 (58). С. 5–13.

³³ *Zepos J., Zepos P.* Jus Graecoromanum. Т. IV. Р. 1–260.

ворот, существовавшая до 1932 г.). Приведем наблюдения Н.П. Чесноковой: «Судебное решение выносилось на основании 14-й статьи 21-й главы Соборного уложения, основного свода того времени, где сказано: «Церковных татей казнить смертью безо всякого милосердия, а живот их отдавать в церковные татьбы». Далее в деле следует запись: «великий государь указал выписать из греческих законов», т.е. Градских судных законов (переработки южнославянского перевода Прохирона) и Закона судного людем царя Константина (славянской переработки Эклоги). Указание на главы и листы Закона царя Константина (глава 29 лист 376) говорит о том, что он был выписан из Печатной Кормчей 1653 г. ... Следующая выписка вызывает вопросы. В ней значится: «2-я статья Закона граднаго, 39 статья, лист 58. Иже во олтари во дни или в нощи входяй и от сущих в нем священных нечто украдая, да усечени будут руце. Аще ж вне олтаря от инья церкви украдет что, биен да изженетца от предел», т.е. по смыслу и едва ли не дословно повторяется текст Закона царя Константина. В Кормчей же в 39 грани, главе 58, опубликовавшей Закон градский, сказано, что воровство из алтаря карается ослеплением, а за кражу вне алтаря преступника следует высесть и остричь. В чем причина расхождений текста, включенного в Кормчую, и текста из судного дела, предстоит выяснить.

Комментаторы критического издания Соборного уложения 1649 г. полагают, что 14-я статья 21-й главы Уложения соответствует древнерусским законодательным нормам, которые приравнивали церковное воровство к святотатству и карали его смертью. Эклога (титул 17:15) предписывает за кражу из алтаря ослепление, а за кражу в нефе — наказание плетьюми, пострижение наголо и ссылку, хотя статья 17:37 Частной Распространенной Эклоги за проникновение в алтарь с целью хищения предусматривала смертную казнь. Византийский канонист XII в. Федор Вальсамон сомневался в целесообразности смертной казни как не способствующей исправлению преступника, и отстаивал идею ее замены другими видами наказания.

Объявленный... приговор гласил: «И того дела великий государь и бояре, слушав, за то воровство твое и за церковную татьбу указал тебя казнить смертью. И великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец по упрошенью сына своего, благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича, велел тебе вместо смерти живот взять, бить кнутом нещадно, а бив кнутом, сослать в Сибирь на вечное житье». Таким образом, при вынесении приговора суд не только смягчил осужденному наказание, но учел, что византийский закон разделяет кражу из алтаря и из какой-либо другой части храма; нюанс, не отмеченный в Уложении 1649 г.»³⁴.

³⁴ Чеснокова Н.П. «Из греческих законов»: судное дело 1662 г. в документах Посольского приказа // Византия и византийское наследие в России и в мире. М., 2013. С. 271–273.

M.V. BIBIKOV

**LA CATEGORIA «FURTO»
NELLA LEGISLAZIONE BIZANTINA
E NEI PRESTITI SLAVI
(RIASSUNTO)**

Accanto ai principi tradizionali in vigore durante tutto il millennio bizantino qua e là nei testi legislativi soprattutto risalenti al periodo classico e a quello tardo classico, sono analizzate le tesi di carattere innovativo, determinanti e predeterminanti i cambiamenti di queste o di quelle norme della legislazione di Giustiniano nel Medio Evo greco. Questi cambiamenti in maggior parte furono motivati da: A) particolarità linguistiche della traduzione, in particolare delle categorie speciali, nel passaggio dal latino di Giustiniano al Greco medioevale dei testi legislativi bizantini; B) cambiamenti geografici, rilevanti nelle ipotesi in cui la legislazione tardoromana si riferiva a quelle province dell'Impero che in Bizanzio furono da molto tempo perduti oppure conquistati (Gallia, Italia, i territori al nord del Danubio, regioni periferiche dell'Africa e dell'Oriente); C) trasformazioni istituzionali provocati da cambiamenti dovuti a leggi municipali, cambiamento del ruolo della schiavitù, intensificazione del ruolo della Chiesa, legge familiare, ecc.

Ne consegue che rispetto alla legislazione sul furto di Giustiniano il diritto

bizantino appare prestare maggiore attenzione nella definizione della punizione al censo patrimoniale. Furono diversificati ad esempio gli agiati cittadini «eupori» da quelli poveri «apori». Ai primi vennero applicate più spesso pene come la multa, ecc. Ai secondi non abbienti invece si applicarono pene come la fustigazione, il taglio della mano (del braccio), l'accecamento. Inoltre il grado della colpa del ladro venne drammaticamente aumentato se il furto risultava aggravato da atti come il sacrilegio (come nel caso di furto in chiesa, in particolare di oggetti dell'altare, di atti contro il clero, di devastazione delle tombe cristiane, ecc.). Alla fine diventerà sempre più importante in relazione al regime delle pene per i delitti commessi e scoperti il diritto casuale, ai sensi del quale il verdetto doveva essere emesso dal giudice in persona. Questa fu la tendenza generale dell'evoluzione della legislazione bizantina che tese sempre più a trarre spunto dall'ambito del diritto consuetudinario dai precedenti. Questo principio si affermò in modo interessante nella legislazione applicata a Mosca dopo la caduta di Bizanzio nel XVII secolo.